

А. В. Святославский

Коммуникативно-риторический аспект изучения художественного текста

Статья отражает положения доклада, прочитанного автором на пленарном заседании XX Международной научно-практической конференции «Риторика и речеведческие дисциплины в условиях реформы образования» (Москва, 4–6 февраля 2016 г.). Рассмотрена проблема взаимоотношений понятий «риторика» и «поэтика» и стоящих за ними научных дисциплин при неоднозначном понимании того и другого термина в истории филологии и культурологии. Дан обзор мнений о возможностях риторики и поэтики в области изучения художественных текстов по работам отечественных и зарубежных культурологов и филологов: М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Б. А. Грифцова, Р. О. Якобсона, У. Эко и др. Рассмотрена теория романа как жанра с позиций риторического подхода. Наряду с теоретическим аспектом, проблема оказалась исполнена практического смысла в связи с необходимостью распределения компетенций литературоведческих, риторических, культурологических кафедр, возникающей при подготовке студенческих и аспирантских работ, связанных с анализом художественного текста.

Ключевые слова: риторика, поэтика, речеведение, художественный текст, троп, теория романа, метафора, текст культуры, М. Бахтин, Р. Якобсон, Б. Грифцов.

А. V. Svyatoslavsky

Fiction and Art Text in the Focus of Rhetoric and Communication Study

The paper reflects provisions of the report, delivered at the International research and practical conference «Rhetoric and discourse analysis as academic disciplines under educational reforms» (Moscow, February 4–6, 2016). It focuses on the correlation of rhetoric and poetics as it referred to their potentialities while analyzing texts of art and fiction. The theory of the novel was also regarded in terms of rhetoric. A number of works by Russian and Western scholars was reviewed, including Umberto Eco, Roman Jacobson, Michael Bakhtin, etc. Along with the theoretical aspect, the problem is full of practical sense due to the need of distribution of competences of literary, rhetorical, culturological departments, which can be during preparation of students and postgraduates' works concerning the analysis of the art text.

Keywords: rhetoric, poetics, literary trope, theory of novel, discourse analysis, metaphor, cultural text, Umberto Eco, Roman Jacobson, Michael Bakhtin, Boris Griftsov.

В предлагаемой статье рассмотрена проблема корреляции риторики и поэтики как научных и учебных дисциплин, проблемно-тематические области которых в некоторой сфере традиционно пересекаются, что ставит ряд вопросов не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Сегодня нет единого понимания самих терминов. Поэтика понимается, во-первых, как наука о художественных возможностях словесности; во-вторых – как теория поэзии (вне прозы), наконец – как общая литературная теория. Так, еще в 1970-х гг. название соответствующей дисциплины в учебном плане филологических факультетов университетов, прежде именовавшейся «теорией литературы», было заменено «поэтикой».

Ситуация с риторикой еще сложнее. Отчасти это объясняется тем, что на какое-то время она выпала как таковая из учебных программ как на Западе, так и в России (СССР), чтобы затем вернуться в виде так называемой «новой» риторики. Этот период отмечен явлением так называемой «неориторики», порожденной выходом в свет в

1958 г. одноименной книги Хаима Перельмана – «Новая риторика: Трактат по аргументации». Впрочем, современное понимание неориторики также ушло достаточно далеко от собственно труда Перельмана, включив целый ряд идей, изложенных в трудах западных и отечественных структуралистов, постструктуралистов, семиологов (Р. Якобсон, М. Бахтин, Р. Барт, «Льежская школа», У. Эко и др.). В общенаучном и бытовом словоупотреблении под риторикой чаще всего понимают искусство устных публичных выступлений. Однако ряд определений, данных современными представителями филологической науки, позволяет говорить о необходимости *значительно более широкого* понимания риторики, что, на наш взгляд, совершенно справедливо.

Так, Е. Н. Зарецкая подходит к проблеме культурологически и понимает риторику как «теорию и практику речевой коммуникации», очень верно замечая при этом, что риторика как таковая «является культурной основой знания» и «соединяет человечество с историей культуры»

[7, с. 2]. А. К. Михальская видит в риторике «теорию и практическое мастерство целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи» [11, с. 203–204]; риторическая школа Т. А. Ладыженской понимает под риторикой «науку об эффективном общении» [8, с. 38]. Традиционный подход к различению компетенций риторики и поэтики в связи с особенностями, условно говоря, риторических текстов, с одной стороны, и поэтических – с другой, стал предметом размышлений Умберто Эко в «Отсутствующей структуре», где он пишет следующее: «Риторика не описывает из ряда вон выходящие случаи риторических фигур, которых не может предположить никакой набор психологических или каких-либо других ожиданий, она описывает только те приемы, пусть весьма неожиданные, которые набор слушательских ожиданий все-таки может вместить. В отличие от поэтического дискурса, который, базируясь на минимальных дозах избыточности (в минимальной степени принимая во внимание ожидания адресата), побуждает потребителя к усилию истолкования, к переоценке кодов, – и это одна из существеннейших характеристик современного искусства, – риторика, отвергая крайности, закрепляет взвешенный тип речи, управляемую неожиданность» [14, с. 129]. Эко демонстрирует интересный и нетривиальный подход, но нам наиболее правильным представляется широкое понимание риторики как лингвистической прагматики, или речеведения в целом. Еще в 1930-х гг. один из отцов-основателей семиотики Чарльз У. Моррис обратил внимание на то, что семантика как отношение знака к референту, синтактика как отношения знаков между собой и прагматика как отношение коммуникатора к знаку восходят к знаменитому античному и средневековому образовательному тривиуму «логика – грамматика – риторика». Риторике у Морриса соответствует лингвистическая прагматика [10, с. 71].

Существенную роль в осмыслении необходимости строгого понимания феномена речи, минимальной единицей которой является высказывание, сыграл М. М. Бахтин, последовательно обращавший внимание на то, что Ф. де Соссюр, выявив фундаментальную диаду «язык-речь», затем увлек все языкознание на путь изучения структуры языка в ущерб изучению речи, причем само понимание речи оказалось расплывчатым. Бахтин задавался вопросами: «Что же это за “речевой поток”, что же это за “наша речь”? Какова их протяженность? Имеют они начало и конец?

Если они неопределенной длительности, то какой отрезок их мы берем для разделения его на единицы? По всем этим вопросам, – продолжал размышления Бахтин, – господствует полная неопределенность и недосказанность. Неопределенное слово “речь”, могущее обозначать и язык, и процесс речи, то есть говорение, и отдельное высказывание, и целый неопределенно длинный ряд таких высказываний, и определенный речевой жанр (“он произнес речь”), до сих пор не превращено лингвистами в строго ограниченный по значению и определенный (определимый) термин (аналогичные явления имеют место и в других языках). Это объясняется почти полной неразработанностью проблемы высказывания и речевых жанров (а следовательно, и речевого общения). Почти всегда имеет место путаная игра всеми этими значениями (кроме последнего). Чаще всего под выражением “наша речь” понимают любое высказывание любого человека; причем такое понимание никогда не выдерживают до конца» [1, с. 262 – курсив оригинала. – А. С.]

Таким образом, если рассматривать риторику как речеведение в целом (изучение феноменализации языка в социуме), то становится очевидным, что ее область значительно шире сферы поэтики (при любом ее понимании) и является важнейшей частью теории социальной коммуникации.

Но вернемся к поставленной проблеме, понимая под поэтикой область изучения всей художественной литературы. Кстати, проблема эстетического, художественного возникает также, как известно, в связи с пониманием термина риторика как *красноречия* (красивая речь), распространенного в России XIX в., например, в эпоху знаменитого теоретика и практика риторики Н. Ф. Кошанского. Интересно проследить, когда, в каких случаях крупнейшие представители культурологической и филологической науки обращались к необходимости риторического подхода при анализе художественного текста.

Наши студенты подчас задаются вопросом о том, почему художественный текст, понимаемый как в узком, так и в широком (семиотическом, культурологическом) смысле, традиционно выпадает из области риторики как речеведения. Ведь совершенно очевидно, что такой текст является разновидностью социальной коммуникации, о которой даже принято образно говорить как о «диалоге с читателем» (слушателем, зрителем). Сама по себе граница между беллетристикой и

публицистикой, художественным и, условно говоря, «нехудожественным» творчеством, как известно, весьма размыта. С другой стороны, стремление как-то придать более научный вид поэтике заставило некоторых специалистов в наши дни активно внедрять термин «лингвопоэтика», который даже преподносится как изобретение нового филологического направления. Нам это видится избыточным, ибо еще русская формальная школа 1910–20-х гг. показала, что литературоведение (в отличие от литературной критики) в принципе может быть научным лишь настолько, насколько принимает во внимание языковой и коммуникативный аспект при анализе текста. Долгое время в трудах отечественных филологов бытовало словосочетание «изучение языка художественной литературы» как специальный термин, в который вкладывался совершенно тот же смысл, что в модное ныне слово «лингвопоэтика». А. И. Горшков как представитель старой виноградской школы пишет об этом так: «Начало научного изучения литературного произведения (текста) со стороны его языковой организации можно связать с работой К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846). В дальнейшем к изучению языка литературных произведений обращались многие выдающиеся русские филологи. Причем внимание их сосредоточивалось преимущественно на художественных литературных произведениях. Постепенно возникла такая отрасль языкознания (а точнее, филологии), как “язык художественных произведений”, “язык художественной литературы”, становление и развитие которой в наибольшей степени связано с именем В. В. Виноградова» [5, с. 65].

Р. О. Якобсон подробно остановился на отношениях лингвистики и поэтики в докладе, сделанном им на научной конференции «Стиль в языке» в Университете Индианы (США) в 1958 г. Основной вывод докладчика сводился к тому, что «поэтика занимается проблемами речевых структур точно так же, как искусствоведение занимается структурами живописи. Так как общей наукой о речевых структурах является лингвистика, поэтику можно рассматривать как составную часть лингвистики» [16, с. 194]. Более того, по Якобсону, «многие поэтические особенности должны изучаться не только... лингвистикой, но и теорией знаков в целом, то есть общей семиотикой» [16, с. 194].

Полемизируя с литературоведами, не желающими допускать языковедов к анализу поэтического текста или ограничивающими возможности лингвистики в данной области некими вспомогательными функциями, Якобсон писал: «Можно сказать, что поэтика – это лингвистическое исследование поэтической функции вербальных сообщений в целом и поэзии в частности. ... Предмет занятий лингвиста, анализирующего стихотворный текст, – “литературность”, или, иначе говоря, превращение речи в поэтическое произведение и система приемов, благодаря которой это превращение совершается» [15, с. 81].

Ю. М. Лотман, объединивший в себе культуролога, филолога и искусствоведа, немало внимания уделил проблеме искусства как коммуникации. В частности, он писал: «Искусство – одно из средств коммуникации. Оно, бесспорно, осуществляет связь между передающим и принимающим (то, что в известных случаях оба они могут совместиться в одном лице, не меняет дела, подобно тому как человек, разговаривающий сам с собой, соединяет в себе говорящего и слушающего)» [9, с. 19].

В связи с поставленной проблемой риторичности художественной литературы весьма важной видится разработка вопросов, связанных с языковыми проявлениями образа автора в произведении, чем немало занимался академик В. В. Виноградов. Примечательно, что Ю. В. Рождественский в одном из наиболее фундаментальных современных учебников по риторике («Теория риторики») специально останавливается на проблеме образа автора, каким он проявляет себя в художественной литературе со ссылкой на труды Б. М. Эйхенбаума и В. В. Виноградова [12, с. 141–142, 165]. Это позволяет рассматривать проявления образа автора в речевых формах также как сферу компетенции риторике. В. И. Тюпа тоже отмечает необходимость «пограничных исследований на рубежах, разделяющих нарратив и перформатив, художественный дискурс и научный» [13, с. 6], и уделяет немало внимания «перформативному» (пользуясь терминологией Дж. Остина) аспекту художественного слова.

Заметим, что при всем уважении к постструктуралистским идеям «смерти автора», никак нельзя сбросить со счетов авторскую установку, которая вводит художественный текст в сферу традиционных риторических представлений об эпидейктической (рассуждение о добре и зле),

аргументирующей и даже агитирующей речи. Разве Толстой не пытался убедить читателя в том, что Левин «правильный», а Вронский – нет? Примечательно в данном отношении мнение У. Эко, заметившего, что именно «побудительный дискурс был предметом внимания различных риторик» в разное время [14, с. 124]. Представляют интерес исследования риторических аспектов в связи с проблемой образа автора и образной системы эпических произведений. Можно привести в пример статью «Риторика и поэтика» известного специалиста по Достоевскому В. Е. Ветловской, в которой исследователь ставит задачу рассмотреть «роль авторского утверждения и опровержения высказываемых героями общих мнений» в «Братьях Карамазовых» [3, с. 163].

Наряду с проблемой тропов и метафоры, еще одной областью наложения интересов поэтики и риторики оказалась теория романа, которой, в частности, занимались В. В. Виноградов и М. М. Бахтин. В свое время, констатируя ограниченность существующих методов анализа романного слова исключительно с точки зрения традиционной функциональной стилистики, Бахтин пришел к выводу, что «стилистика и философия слова оказываются, в сущности, перед дилеммой: либо признать роман (и, следовательно, всю тяготеющую к нему художественную прозу) нехудожественным или квазихудожественным жанром, либо радикально пересмотреть ту концепцию поэтического слова, которая лежит в основе традиционной стилистики и определяет все ее категории» [2, с. 80]. Ссылаясь на соответствующие идеи Г. Г. Шпета, Б. М. Эйхенбаума и В. В. Виноградова (последний видел в романном слове и риторический, и поэтический аспекты), Бахтин обозначил возможность нетривиального разрешения этой дилеммы, предложив «вспомнить забытую риторику, в ведении которой на протяжении веков находилась вся художественная проза». «Ведь, восстановив риторику, – писал он, – в ее древних правах, можно оставаться при старой концепции поэтического слова, относя к “риторическим формам” все то в романной прозе, что не укладывается в прокрустово ложе традиционных стилистических категорий» [2, с. 81].

В. В. Виноградов, обращаясь к данному вопросу, писал: «Поэтика и риторика устанавливают разные типы литературных структур и вместе с тем рассматривают разные формы бытия одного и того же литературного произведения. Если

поэтика изучает структуру литературного произведения отрешенно от его “внушающих” и “убеждающих” тенденций, независимо от его направленности к воздействию на слушателя и независимо от форм, которыми оно, это экспрессивное воздействие, связанное с “образом слушателя” и с особым культурно-бытовым контекстом, осуществляется, то риторика прежде всего исследует в литературном произведении *формы его построения по законам читателя*» [4, с. 115–116 – курсив оригинала].

В заключение рассмотрим оригинальную концепцию риторического происхождения романа, принадлежащую мысли отечественного филолога и культуролога первой пол. XX в. профессора Бориса Александровича Грифцова. В 1927 г. Грифцов издал монографию «Теория романа», где изложил свой взгляд на генезис этой формы. Грифцов рассмотрел причины отсутствия романной формы в классическом греческом искусстве и причины его появления в поздней Греции. Своего рода «стержнем», необходимым для того, чтобы накопившийся в общественном сознании и искусстве набор новшеств смог оформиться в целостный жанр романа, стала, по Грифцову, риторика. «История романа, – писал он, – начинается, таким образом, с эстетического парадокса: в будущем самый доступный, общепонятный и популярный вид искусства создается из очень специальных и совершенно академических упражнений по риторике» [6, с. 36]. Во времена начала Римской империи в риторике получили распространение так называемые контроверсы, школьные упражнения, каждое из которых строилось по типовой схеме, ставшей в итоге предтечей романа. Грифцов обращается к книге «Контроверсы» ритора Марка Аннея Сенеки, отца знаменитого философа Луция Аннея Сенеки, жившего на рубеже новой эры. В основе этих риторических экзерциций лежал обычно любовно-драматический сюжет, развязка которого могла трактоваться участниками семинария по-разному, в разном свете (положительном или отрицательном) предстают и герои. Приводятся примеры таких сюжетов. (Например, купец трижды подарками тщится соблазнить жену уехавшего соседа. Как знак восхищения ее стойким целомудрием, умирая оставляет ей свое состояние. Вернувшийся же муж обвиняет ее в измене.) Стабильной схемой становится контроверсионная концепция, содержащая рассказ о любящих друг друга и целомудренных юноше и девушке, пробирающихся через превратности судьбы,

преграды и приключения к своему счастью. В этой традиционной схеме Грифцов обнаруживает три группы устойчивых мотивов: мотивы любовные; мотивы странствий; мотивы в узком смысле риторические, когда юноша и девушка «риторически вскрывают свои чувства друг перед другом и еще чаще перед обвинителями, причем и девушка, по общему замыслу простая и чистосердечная, оказывается необыкновенно искусным, планомерно и доказательно развивающим свою речь оратором» [6, с. 46]. Указывается также на связь с риторикой через наличие неизменных судебных процессов, заключающих греческий роман. Отсюда легко перебрасывается мостик к судебным разбирательствам в позднем романе, в том числе у Ф. М. Достоевского.

Подводя итог, отметим, что, несомненно, в романах новейшего времени, равно как и в иных жанрах изящной словесности, риторико-речеведческий аспект проявляет себя весьма ощутимо там, где встает проблема авторской речи, реализуемой в речи повествователей, рассказчиков, героев, взятой как в аспекте убеждения (что, как мы помним, отмечал У. Эко), так и в целом – в аспекте эффективности речевой коммуникации, речевого воздействия в различных плоскостях: образов героев, повествователей, лирических героев и в конечном счете, в коммуникации *автор – читатель, писатель – читатель*.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Изд. 2-е. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–297.
2. Бахтин, М. М. Слово в романе [Текст] / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 72–233.
3. Ветловская, В. Е. Риторика и поэтика (утверждение и опровержение мнений в «Братьях Карамазовых» Достоевского) [Текст] / В. Е. Ветловская // Исследования по поэтике и стилистике. – Л.: Наука, 1972. – С. 163–184.
4. Виноградов, В. В. О художественной прозе [Текст] / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – С. 360 с.
5. Горшков, А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика [Текст] / А. И. Горшков. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 367 с.

6. Грифцов, Б. А. Теория романа [Текст] / Б. А. Грифцов; вступ. ст., комм. Т. В. Соколовой. – М.: Совпадение, 2012. – 224 с.
7. Зарецкая, Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. [Текст] / Е. Н. Зарецкая. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
8. Ипполитова, Н. А., Ерохина, Е. Л. и др. Общая риторика [Текст]: учебное пособие / Н. А. Ипполитова, Е. Л. Ерохина. – М.: Экзамен, 2012. – 397 с.
9. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 14–288.
10. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков [Текст] / Ч. У. Моррис // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов; изд. 2-е испр. и доп. – М.: Академ. Проект. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
11. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник [Текст] / Изд. 2-е, испр. и доп.; под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – М.: ФЛИНТА: Наука, 1998. – 312 с.
12. Рождественский, Ю. В. Теория риторики [Текст]: учеб. пособие / Ю. В. Рождественский; изд. 5-е. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 544 с.
13. Тюпа, В. И. Дискурс [Текст] / В. И. Тюпа. – М.: Интрада, 2013. – 211 с.
14. Эко, Умберто. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / Умберто Эко. – СПб.: Symposium, 2006. – 544 с.
15. Якобсон, Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге [Текст] / Р. Якобсон // Якобсон Р. Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 80–98.
16. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей; сост.: М. Я. Поляков. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin, M. M. Problema rechevyh zhanrov [Tekst] / M. M. Bahtin // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. – Izd. 2-e. – M.: Iskusstvo, 1986. – S. 250–297.
2. Bahtin, M. M. Slovo v romane [Tekst] / M. M. Bahtin // Voprosy literatury i jestetiki. Issledovaniya raznyh let. – M.: Hudozh. lit., 1975. – S. 72–233.
3. Vetlovskaja, V. E. Ritorika i pojetika (utverzhenie i oproverzhenie mnenij v «Brat'jah Karamazovyh» Dostoevskogo) [Tekst] / V. E. Vetlovskaja // Issledovaniya po pojetike i stilistike. – L.: Nauka, 1972. – S. 163–184.
4. Vinogradov, V. V. O hudozhestvennoj proze [Tekst] / V. V. Vinogradov // Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj prozy. Izbrannye trudy. – M.: Nauka, 1980. – 360 s.
5. Gorshkov, A. I. Russkaja stilistika. Stilistika teksta i funkcional'naja stilistika [Tekst] / A. I. Gorshkov. – M.: AST: Astrel', 2007. – 367 s.

6. Grifcov, B. A. Teorija romana [Tekst] / B. A. Grifcov; vstup. st., komm. T. V. Sokolovoj. – M. : Sovpadenie, 2012. – 224 s.
7. Zareckaja, E. N. Ritorika: Teorija i praktika rechevoj komunikacii. 4-e izd. [Tekst] / E. N. Zareckaja. – M. : Delo, 2002. – 480 s.
8. Ippolitova, N. A., Erohina, E. L. i dr. Obshhaja ritorika [Tekst]: uchebnoe posobie / N. A. Ippolitova, E. L. Erohina. – M. : Jekzamen, 2012. – 397 s.
9. Lotman, Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Tekst] / Ju. M. Lotman // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb., 1998. – S. 14–288.
10. Morris, Ch. U. Osnovanija teorii znakov [Tekst] / Ch. U. Morris // Semiotika: Antologija / sost. Ju. S. Stepanov; izd. 2-e ispr. i dop. – M. : Akadem. Proekt. – Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2001. – S. 45–97.
11. Pedagogicheskoe rechevedenie. Slovar'-spravochnik [Tekst] / Izd. 2-e, ispr. i dop.; pod red. T. A. Ladyzhenskoj i A. K. Mihal'skoj; sost. A. A. Knjaz'kov. – M. : FLINTA: Nauka, 1998. – 312 s.
12. Rozhdestvenskij, Ju. V. Teorija ritoriki [Tekst]: ucheb. posobie / Ju. V. Rozhdestvenskij; izd. 5-e. – M. : FLINTA: Nauka, 2015. – 544 s.
13. Tjupa, V. I. Diskurs [Tekst] / V. I. Tjupa. – M. : Intrada, 2013. – 211 s.
14. Jeko, Umberto. Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju [Tekst] / Umberto Jeko. – SPb. : Symposium, 2006. – 544 s.
15. Jakobson, R. Voprosy pojetiki. Postskriptum k odnoimennoj knige [Tekst] / R. Jakobson // Jakobson R. Raboty po pojetike / sost. i obshh. red. M. L. Gasparova. – M. : Progress, 1987. – S. 80–98.
16. Jakobson, R. O. Lingvistika i pojetika [Tekst] / R. Jakobson // Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. statej; sost.: M. Ja. Poljakov. – M. : Progress, 1975. – S. 193–230.